

Святловский Владимир Владимирович

Родные курорты

**Кавказские минеральные воды.
Военно-грузинская дорога**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Владимирович С.**
Родные курорты: Кавказские минеральные воды. Военно-грузинская дорога / Святловский
Владимир Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 284 с.

ISBN 978-5-519-85073-5

ISBN 978-5-519-85073-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В. В. Святловскій.

РОДНЫЕ КУРОРТЫ.

Кавказскія Минеральныя воды — Военно-Грузинская дорога — Тифлисъ.

ОДЕССА

„Центральная Типографія“ Почтовая ул., № 39.
1897.

Дозволено Цензурою. Одесса, 14 Января 1897 г.

въ Азіи.

Путевые очерки и картины.

I.

«Человѣкъ, который видѣлъ только одну свою страну, прочелъ только одну страницу изъ жизни».

Байронъ.

Изъ всѣхъ произведеній Байрона наиболѣе сильное впечатлѣніе у насъ въ Россіи произвелъ, кажется, «Донъ-Жуанъ», — между тѣмъ въ немъ онъ описываетъ Россію, въ которой никогда не бывалъ, по которой никогда не путешествовалъ, но которою всегда сильно интересовался. По отношенію къ Россіи англійскій поэтъ измѣнилъ своему обѣщанію никогда не описывать страну, которой не видалъ собственными глазами, но за то всегдашнею его мечтой оставалось посѣтить Кавказъ.

Признаюсь, и меня чуть ли не съ дѣтскихъ лѣтъ манила къ себѣ эта страна, этотъ дикій край, весь улитый потоками русской

крови, этотъ «погибельный Капказъ» съ его громадными, неприступными твердынями, бѣшенными рѣками и красивыми черкешенками. Однако, по волѣ судьбы, мнѣ пришлось впервые посѣтить этотъ край въ тяжелую годину холерной эпидеміи 1892 года, и я, проводя два мѣсяца на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, въ концѣ августа выѣхалъ изъ Кисловодска во Владикавказъ.

Болѣзненная мечта всѣхъ отъѣзжающихъ съ Кавказскихъ минеральныхъ водъ—не подвергнуться «обсерваціи» и не попасть въ карантинъ. Дѣйствительно, въ лексиконѣ путешественника врядъ ли можно найти болѣе страшное слово, чѣмъ карантинъ. Теперь карантинъ чуть ли не повсемѣстно снятъ, а курсовые больные продолжаютъ беспокоиться, особенно тѣ, которые возвращаются съ Кавказа моремъ, или ѣдутъ оканчивать сезонъ въ Ялту. Оказывается, что и въ тридцатыхъ годахъ у насъ карантина боялись ничуть не меньше теперешняго. Знаменитый Пушкинъ въ 1831 году писалъ про карантинъ слѣдующее:

«Покаместъ полагали, что холера прилипчива, какъ чума, до тѣхъ поръ карантинъ былъ зло необходимое, но какъ скоро начали замѣчать, что холера находится въ воздухѣ, то карантинъ должны были тотчасъ быть уничтожены. Шестнадцать губерній вдругъ не могутъ быть оцѣплены, а карантинъ, не подкрѣпленные достаточною цѣпью, военною силою,

суть только средства къ притѣсненію и причины къ общему неудовольствію. Вспомнимъ, что турки предпочитаютъ чуму карантинамъ. Въ прошломъ году (дѣло идетъ о тридцатомъ годѣ) карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозамъ, привели въ нищету подрядчиковъ и извозчиковъ и чуть не взбунтовали шестнадцать губерній. Злоупотребленія неразлучны съ карантинными постановленіями, которыхъ не понимаютъ ни употребляемые на то люди, ни народъ. Уничтожьте карантины—народъ не будетъ отрицать существованія заразы, станетъ принимать предохранительныя мѣры и прибѣгнетъ къ лекарямъ и правительству, но покаместъ карантины тутъ, меньшее зло будетъ предпочтено большому, и народъ будетъ болѣе беспокоиться о своемъ продовольствіи, объ угрожающей нищетѣ и голодѣ, нежели о болѣзни неведомой и коей признаки такъ близки къ отравѣ.»

Вотъ что писалъ великій Пушкинъ въ 1831 году, и подъ этими строками можно подписаться и понынѣ.

Изъ Кисловодска намъ путь лежалъ вглубь Кавказа, по знаменитой Военно-Грузинской дорогѣ, на которой, по слухамъ, совершается досмотръ пассажировъ и дезинфекція ихъ багажа.

Дорога изъ Кисловодска до станціи «Минеральныя воды» Владикавказской желѣзной

дороги идетъ отличнымъ шоссе, содержащимся въ образцовомъ порядкѣ, несмотря на то, что этому шоссе чуть не на-дняхъ придется уступить свое мѣсто рельсовому пути. Быстро промелькнула мимо насъ великолѣпная, построенная еще при Воронцовѣ, нарзанная галлерея, воздвигнутая въ стилѣ англійской средневѣковой архитектуры, знаменитая Тополевая аллея и не менѣе знаменитая Крестовая гора, служащая однимъ изъ любимыхъ мѣстъ прогулокъ курсовыхъ больныхъ. Говоря о Крестовой горѣ, невольно вспоминается кровавый эпизодъ, разыгравшійся здѣсь при Воронцовѣ же въ 1850 году. Одинъ азіатскій князекъ повздорилъ изъ-за приданого съ зятемъ, тоже азіатомъ, но въ то же время и генераломъ русской службы. Генералъ, недовольный величиною колыма, полученнаго за дочь, возбудилъ дѣло у русскихъ властей, обвиняя князька въ самовольномъ увозѣ у него дочери. Въ то время начальникомъ центра былъ князь Эристовъ, жившій въ Кисловодскѣ, близъ Крестовой горы. Эристовъ вызвалъ князька къ себѣ для личныхъ переговоровъ, и когда тотъ явился въ сопровожденіи брата и нѣсколькихъ вооруженныхъ нукеровъ, то начальникъ центра въ присутствіи собранныхъ на дворѣ донцовъ и роты солдатъ приказалъ обезоружить и арестовать князька. Тогда горцы обнажили шашки и съ гикомъ поскакали на Крестовую гору. Затѣмъ началась отвратительная травля; троихъ нукеровъ

убили тутъ же на горѣ, остальные были перебиты послѣ отчаяннаго сопротивленія. Особенно дорого продалъ свою жизнь, оставая честь и народные обычаи, одинъ нукеръ, который забаррикадировался на хорахъ казенной гостиницы, расположенной у подножія той же горы, и прежде чѣмъ сложилъ свою буйную голову убилъ кинжаломъ буфетчика гостиницы и застрѣлилъ двухъ солдатъ. Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, что вся эта кровавая драма не могла бы имѣть мѣста, еслибы мѣстные обычаи пользовались большимъ уваженіемъ со стороны военнаго начальства, которому были ввѣрены судьбы кавказскихъ народовъ въ свое время *).

На кисловодскомъ шоссе страшныя тучи пыли, которыя съ ногъ до головы напудриваютъ путника, его экипажъ и лошадей. Да и немудрено, такъ какъ вотъ уже скоро полтора мѣсяца, какъ здѣсь стоитъ превосходная погода, перешедшая мало-по-малу въ сильнѣйшую жару и засуху. А между тѣмъ въ паркѣ все пожелтѣло, листья сильно опали и, несмотря на неимовѣрную духоту, вся природа приняла какой-то грустный осенній колоритъ.

Не забудемъ при этомъ, что кисловодскій

*) Зиссерманъ въ «Русскомъ Обозрѣніи», кажется за 1893 годъ, въ чемъ то исправляетъ мое описаніе кроваваго кисловодскаго эпизода, но признаюсь, и послѣ этого исправленія я не могъ ничего измѣнить въ своемъ текстѣ.

паркъ, хотя и размѣщенъ въ котловинѣ между горъ, тѣмъ не менѣе находится почти на одной высотѣ съ вершиной Машука, т. е. поднятъ надъ уровнемъ моря почти на 3.000 футъ. Не могу кстати не отмѣтить невѣрности наблюденія, утверждающаго, что въ Кисловодскѣ не бываетъ ни мухъ, ни комаровъ. Комаровъ, дѣйствительно, я не видалъ лѣтомъ 1892 года, но за то мухи имѣются въ самомъ несносномъ изобиліи. Вообще по части отступленія отъ истины наши путеводители по лечебнымъ мѣстамъ грѣшатъ весьма изрядно. Такъ напримѣръ, въ одномъ весьма обстоятельномъ путеводителѣ по Кавказу при описаніи Нарзана имѣются такія строки: «шумъ и клокотаніе воды въ Нарзанѣ до того громки, что вблизи источника отчасти заглушаютъ разговоръ». Всякій, побывавшій въ Кисловодскѣ (я имѣю въ виду старый до каптажный «Нарзанъ»), знаетъ, что это неправда и, конечно, такія поэтическія вольности не должны бы имѣть мѣста въ серьезной книгѣ.

Какъ ни пыльно и какъ ни жарко на шоссе отъ Кисловодска въ Пятигорскъ *), но дорога почти вплоть до Ессентуковъ такъ живописна, такіе милые ландшафты открываются вокругъ, что путникъ долго не чувствуетъ никакого утомленія. Дорога идетъ сперва по

*) Въ 1892 году минераловодская вѣтвь Ростово-Владикавказской желѣз. дороги находилась еще въ постройкѣ.

правому гористому берегу Подкумка; долина рѣки сначала очень широка, вдали слѣва виднѣется Кольцо-гора, т. е. уступъ съ оригинальною промоиной въ песчаномъ грунтѣ, имѣющей издали поразительное сходство съ искусственно сдѣланнымъ круглымъ окномъ. Еще дальше, совсѣмъ на горизонтѣ, синѣетъ гора Римъ,—также одно изъ излюбленныхъ мѣстъ для экскурсій кисловодскихъ обывателей. Окрестности Кисловодска, какъ и вообще весь Кавказъ, по преданію, видали у себя не только римлянъ, генуэзцевъ и венеціанцевъ, но даже воиновъ Александра Македонскаго и гунновъ. По преданію, самъ великій полководецъ и его сподвижники продѣлывали «минеральный» курсъ въ мало-извѣстномъ еще у насъ въ Россіи и чудесномъ горно-водолечебномъ курортѣ Абасъ-Тумаѣ, расположенномъ недалеко отъ Боржома. А знаменитый Шамиль въ шутку не разъ говаривалъ, что Александръ Македонскій, завоевавъ весь свѣтъ, заселилъ Кавказъ самыми разбойничьими элементами своихъ полчищъ.

Какъ бы то ни было, но близъ горы Римъ отлично сохранились слѣды какого-то города и укрѣпленія. О троглодитахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ изъ земли и изъ сосѣднихъ пещеръ археологами и любителями извлечено не мало монетъ, оружія, крестиковъ и надгробныхъ съ надписями камней, свидѣ-

тельствующихъ, что здѣсь жилъ культурный и христіанскій народъ.

Окружающія Кисловодскъ горы не имѣютъ спеціальныхъ названій и въ сущности составляютъ отроги Пестраго или Скалистаго хребта. Геологи думаютъ, что эти горы представляли собою нѣкогда морскіе коралловіе рифы, поднявшіеся во время земныхъ переворотовъ до настоящей своей высоты. Строеніе горъ изъ известняка съ органическими прослойками изъ рода коралловъ какъ нельзя лучше подтверждаютъ справедливость этого предположенія.

Извѣстный ученый Абихъ, создавшій, можно сказать, всю геологію Кавказа, признаетъ для этой страны два поднятія морского дна. Поднятія эти совершались въ разныхъ направленіяхъ, въ сѣверо-западномъ и сѣверо-восточномъ, и относятся къ концу мѣловаго періода. При первомъ поднятіи появился, между прочимъ, Бештау, а при второмъ — Машукъ, гора Юца, снабжающая прѣсною водой Пятигорскъ и, наконецъ, царь всѣхъ кавказскихъ горъ — двуглавый Эльборусъ. Тогда же образовались трещины въ доломитовыхъ слояхъ и возникъ знаменитый ключъ Нарзанъ.

Отроги Пестрыхъ горъ образуютъ вокругъ Кисловодска настоящія террасы, напоминающія мѣстами гигантскія ступени еще болѣе гигантской лѣстницы. Все пространство между горъ по теченію Подкумка безлѣсно и пред-